

УДК 111

Россия постсоветская: виртуальные аспекты социального проекта**Хазиев А.Х.**

Кандидат философских наук,
доцент кафедры религиоведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Хазиева Н.О.

Аспирант кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Функционирование и развитие общества есть, в том числе и результат перманентной реализации социального проекта, неизбежной составляющей которого являются виртуальные элементы; реконструкция и интерпретация виртуальных аспектов социального проекта под названием «постсоветская Россия» – предмет размышлений авторов предлагаемой статьи.

Ключевые понятия: социальный проект, постсоветская Россия как социальный проект, виртуальные элементы социального проекта, «врожденное» свойство души российских.

Социальный проект – необходимая сторона функционирования и развития общества. Он реализуется в различных формах: в краткосрочных и долгосрочных программах совершенствования социального организма, реалистических и утопических представлениях общественного устройства. В его основе лежит различие между должным и сущим, различие, помноженное на желаемое. Наряду с утилитарным, актуальным содержанием в социальном проекте вольно или невольно, явно или неявно, но неизбежно присутствует виртуальная составляющая. Более того, виртуальные элементы не только предпосылка, но, в некотором смысле, даже гарант успешности социального проекта. В последнем случае прослеживается закономерность, подмеченная еще К. Марксом: их сила, влияние напрямую зависят от того, насколько основательно они овладевают общественным сознанием [см.: 1]. Проявляясь через миф, религию, национальную идею, идеологию, виртуальное пронизывает социальные проекты всех времен и народов. Общество обязательно должно прожить себя в воображаемом мире, который для

него не менее реалистичен, нежели его актуальное бытие.

Воображаемый мир воспринимается обществом как высшая истина и всегда противопоставляется миру посюстороннему, который необходимо преодолеть как нечто временное, неподлинное. И только обретя в нем подлинную идентичность (как, по крайней мере, ему кажется!), общество возвращается назад, на грешную землю, желая привести сущее в соответствие с должным. Итак, перманентно: это «хождение» из мира виртуального в мир реальный и обратно посредством социального проекта – один из факторов динамичного развития общества.

Сказанное в полной мере применимо к России. Вся история нашей страны – прошлая и настоящая – демонстрирует бесконечную борьбу виртуальной и актуальной составляющих проекта социальных преобразований. Примеров тому не счесть¹.

¹ Среди них ярчайшим, на наш взгляд, является тот, что представлен в письмах старца Филофея Ивану Грозному. В своих обращениях к государю старец обосновывал идею о Москве как III Риме, как наследнице подлинной христианской (православ-

Несмотря на существующие – мнимые и действительные – различия между виртуальными элементами социальных проектов разных времен, есть нечто, объединяющее их. Оно, как своеобразный общий знаменатель, позволяет идентифицировать объективный дух России. Нам представляется, что такое объединяющее начало лежит между вечным поиском «Града Китежа» и осознанием особого, неповторимого, присущего только для Руси, пути к нему. Если одна сторона этого начала присуща всем культурам, то вторая – достояние духа русского, российского. Возможно, и это имел в виду поэт, когда писал, что «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать – в России можно только верить!» [4, с. 185].

Даже тогда, когда в конце XIX – начале XX вв. необходимость социальных преобразований для России основывалась на общих для передовых стран тенденциях развития, большевики как ведущая идейно-политическая сила страны того времени исходили, прежде всего, из представления о той ситуации, которая сложилась в обществе [см.: напр., 5, с. 579]. Именно эта неповторимая ситуация, по их мнению, диктовала своеобразные пути и способы реализации предложенного ими обществу социального проекта. Целый ряд ленинских произведений (особенно периода после Октябрьской революции), как нам представляется, может быть прочитан в этом ключе. Большевикам удалось убедить, навязать россиянам свои представления, идеи о должном как подлинном, как высшей ценности, во имя которой необходимо отречься от настоящего². Проект советской цивилизации стал путеводной звездой для народов бывшей империи (по крайней мере, значительной его части). И, не смотря ни на что – пользуясь выражением О. Мандельштама: «... не чуя под собою страны» [6, с. 74] – стали подчинять сущее должному, в которое уверовали как в «идею фикс». Большинство конкретных свершений того времени с позиций сегодняшнего дня можно объяснить только энтузиазмом, порожденным этой верой, ставшей подобием новой народной религии. Вера в безусловную необходимость скорейшего воплощения идеалов светлого коммунистического будущего

ной) веры, которая и должна, по его мнению, быть образцом для христиан во всех их помыслах и земных делах. Идея Философа запала глубоко в душу русскую и в последующем не раз в различных вариантах воспроизводилась его последователями. Так, в конце XVIII в. П.А. Плавильщиков писал, что русского человека влекут к Отечеству не только нравы, обычаи, родство, образ правления, но и православная вера [см.: об этом, напр., 2, с. 14], а столетие спустя граф Уваров сформулирует положение о России как триаде «Православие – Самодержавие – Народность» [3, с. 70].

² И отрекались: не только от того, что в виде фамилий царствовавших еще вчера особо прямо говорило о проклятом прошлом, но, даже, от родителей и собственных имен, данных им родителями. Небезызвестная теория «пролетарской культуры» внесла свою лепту в это дело и здесь.

помогала, преодолевая нечеловеческие условия, утверждать: «... здесь будет город – сад!» [7].

Однако безусловным фактом является и другое – сопротивление коммунистическому проекту. Почти сразу после социалистической революции в команде победителей стали образовываться различные фракции, квалифицировавшиеся властями не только как правый и левый уклоны, но и как откровенная антисоветщина. Причем, как бывает в таких случаях, они стали представлять для руководства страны более серьезную угрозу, нежели внешние враги, поскольку исходила эта угроза из собственного стана. Не это ли, в том числе, имел в виду И. Сталин, когда выдвинул теорию обострения классовой борьбы по мере укрепления социалистических принципов в Советском Союзе? Но, как бы то ни было, сказанное позволяет утверждать, что история постсоветской России начинается задолго до формального закрепления результатов развала СССР в начале 90-х гг. XX столетия. Начавшись как критика справедливости тактических решений, предлагаемых большевиками, антисоветизм (прежде всего, как неприятие всего советского в том виде, в котором оно реализовывалось до середины 80-х гг. прошлого века), в конечном итоге, объявил о принципиальной несовместимости социализма с природой человека [о том, как шло становление антисоветизма в СССР см.: напр., 8]. И, в некотором смысле, это были не пустые слова. За ними скрывались нехватка, зачастую, самых насущных товаров, волокита и бюрократизм в решении элементарных повседневных проблем населения, привилегированное положение партийно-государственного аппарата. Эти и подобные им «мелочи жизни» порождали неприятие социалистических ценностей частью населения СССР, вели к растущему безразличию к лозунгам, призывам, решениям КПСС и советского государства. Свою вескую лепту в превращение всего советского в откровенное посмешище над жизнью внесли всевозможные «голоса», вещавшие из-за «бугра».

Так, шаг за шагом в сознании людей шло преодоление советского проекта преобразования общества и становление (пока только в общественном сознании) постсоветского проекта. В конце концов, все это отлилось в броский лозунг: «Так жить нельзя!». А, как нужно жить? Сначала было решено, что корень всех социальных проблем в отходе от аутентичного марксизма-ленинизма и возврат к нему вернет былую уверенность в справедливости коммунистических идеалов и поведет народ к новым свершениям. В стране объявили о необходимости перестройки, нового мышления не только для СССР, но и всего мира. Иначе говоря, постсоветская Россия как социальный проект во второй половине 80-х гг. прошлого столетия вовсе не означал ухода страны с пути социалистических преобразований. Наоборот, предполагалось вернуться к ничем не замутненным,

подлинным истокам, где социализм предстал бы как самоуправление народа. И надо сказать, что такой социальный проект был принят обществом. В людях вновь стала пробуждаться вера в правильности (в целом) выбранного в 1917 г. страной направления развития. Почувствовав себя «солью земли», они с давно позабытым энтузиазмом стали проявлять чудеса экономической самостоятельности и политической активности, обустроивая свою жизнь.

Но со временем под грузом допущенных ранее и совершаемых вновь ошибок, проснувшихся амбиций партийно-бюрократического аппарата и, особенно, национализма, искусно подогреваемого изнутри и из-за пределов страны, все пошло не так, как предполагалось. В общественном сознании стали побеждать опасные для будущего советских людей идеи о том, что вместе хуже, чем жить врозь. А закончилось все практически открытым призывом встать на капиталистические рельсы, только которые якобы и ведут в лоно цивилизованного человечества. Советский Союз распался, появилась современная Россия, где «господами» всюду стали деньги³.

В мире чистогана предметом всех мечтаний становится золотой телец, и человек из многомерного превращается в существо одномерное. Главное для него уже не «быть», а «иметь». Сложившаяся повседневность не позволяет человеку возвыситься до желания и понимания изменить жизнь так, чтобы как можно полнее раскрылись его сущностные силы. Общество отучается «летать». Возникает парадоксальная ситуация: между миром виртуальным и миром актуальным исчезает зазор, они по существу и даже своему содержанию становятся тождественными. Но такое положение дел не может продолжаться бесконечно, ибо это означает застой, это – путь во мрак.

Трудно, постепенно общество начинает просыпаться и осознавать: если и нельзя, то нельзя жить именно так. Реалии «лихих» 90-х прошлого столетия в России тому подтверждением. В целом верная оценка происходящего в то время позволила сделать ряд выводов, имеющих стратегическое значение для будущего страны. Применительно к нашим рассуждениям принципиальным является вывод о необходимости нахождения национальной идеи, объединяющей россиян, способствующей сохранению и расцвету их культур. Заговорили и о том, что «демократия вообще» – не только фикция, но и далеко не безобидная в политическом плане вещь, и что возможна и необходима суверенная демократия. Это не было призывом свернуть с так называемой «столбовой дороги человеческой цивилизации» и вернуться к временам «железного занавеса». По

нашему мнению, это означало: общее вовсе не исключает особенное и единичное, а наоборот, предполагает их. Развернулась ожесточенная борьба за самость россиян. И в этой борьбе достаточно четко обозначилось несколько направлений. Прежде всего, стали предпринимать действия для преодоления охватившего общество настроения безысходности, поражения. После длительного периода самобичевания, идеологической обработки в духе того, что наш удел – «хлебать лаптем щи», было необходимо вселить в человека уверенность в свои силы. «Мы можем созидать!» – вот лейтмотив этих действий. Еще одно направление прилагаемых усилий предполагало укрепление общепринятых человечеством еще буквально вчера ценностей, девальвация которых сегодня только в нашей стране, но и во всем мире достигла критических величин. Возврат к ценностям традиционной семейной жизни, возрождение веками существовавших в России религий, дружбы народов (чем так гордились и что так пестовали во времена СССР) – некоторые, но очень важные проблемы, решить которые было нужно безотлагательно.

Успехи далеко неоднозначны, но, как мы думаем, точка приложения сил выбрана правильно. Главное – пробудиться от духовной спячки, вновь наполнить воображаемый мир желанием найти «град Китеж» и пониманием своего, где-то неповторимого к нему пути. В противном случае страна потеряет свое лицо и «сварится» в котле глобализации.

Литература:

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права; Нищета философии / Пер. с франц. и нем.; Вступительная статья Л. Аксельрод, С. Булгакова. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 416 с.
2. Плавильщиков П.А. Нечто о врожденном свойстве душ Российских // Зритель. – 1792. – Ч. I. – С. 170-173.
3. Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. Вып. 1. – М.: Эллис Лак; Река времен, 1995. – С. 67-78.
4. Тютчев Ф.И. Лирика: В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1966. – 448 с.

³ Деньги стали универсальным мерилем всех человеческих действий. Вспомним сакраментальный вопрос: «если ты умный, то почему такой бедный?»

5. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Избранные сочинения. В 10 т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1990. – 579 с.
6. Мандельштам О. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. – М.: Изд-во «Арт-Бизнес-Центр», 1994. – 515 с.
7. Маяковский В. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // Полн.собр.соч. – М., 1958. – Т. 10. – С. 128–131.
8. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002 – 768 с.

Post-Soviet Russia: Virtual Aspects of Social Project

A.Kh. Khaziev, N.O. Khazieva
Kazan (Volga Region) Federal University

Functioning and development of society is a result of permanent implementation of social project, integral components of which are virtual elements. The authors focus on reconstruction and interpretation of virtual aspects of social project “post-Soviet Russia”.

Key words: social project, post-Soviet as a social project, virtual elements of social project, genetic quality of Russian spirit.

